

СТИВЕН РАНСИМЕН

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

ГИБЕЛЬ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПОД НАТИСКОМ ОСМАНОВ

Стивен Рансимен

**Падение Константинополя.
Гибель Византийской империи
под натиском османов**

«Центрполиграф»

1965

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

Рансимен С.

Падение Константинополя. Гибель Византийской империи под натиском османов / С. Рансимен — «Центрполиграф», 1965

ISBN 978-5-9524-5438-5

Британский историк-медиевист, византинист Стивен Рансимен в своем труде повествует о том, что привело Византию на край гибели, а турок — к триумфу, почему Европа предпочла не заметить трудного положения, в котором оказались византийцы, и помощь, полученная ими, была столь ничтожной. В книге детально изложены ход военных действий, причины, приведшие к падению Константинополя после сравнительно недолгой осады, и последствия всего этого, что стало страшным потрясением для христианских народов. Туркам победа позволила не только основать новую столицу, но и обеспечить себе прочные позиции в Европе для дальнейших завоеваний. Для греков же поражение означало гибель византийской цивилизации и уход греческой культуры в подполье, и, кроме того, оно привело к исходу византийских интеллектуалов на Запад, что сыграло значительную роль в европейском Возрождении. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(560)

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-9524-5438-5

© Рансимен С., 1965

© Центрполиграф, 1965

Содержание

Предисловие	6
Примечание о транслитерации имен	8
Глава 1. Умирающая империя	9
Глава 2. Султанат на подъеме	21
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Стивен Рансимен
Падение Константинополя.
Гибель Византийской империи
под натиском османов

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2020

* * *

Посвящается моему брату

Предисловие

В те времена, когда историки смотрели на вещи проще, считалось, что падение Константинополя в 1453 году ознаменовало конец Средневековья. Сегодня мы слишком хорошо знаем, что река истории течет неостановимо и на ее пути не бывает преград. Нет такой точки, о которой можно было бы сказать, что именно там средневековый мир превратился в мир современный. Задолго до 1453 года в Италии и Средиземноморье уже набирало силу явление, получившее имя Ренессанс. И много лет после 1453 года средневековые идеи сохранялись на севере Европы. Еще до 1453 года первопроходцы начали разведывать океанские пути, изменившие всю мировую экономику, но открыты они были и Европа ощутила на себе их воздействие лишь через несколько десятилетий после 1453 года. Закат и гибель Византии, триумф турок-османов повлияли на эти перемены, однако их последствия не объясняются событиями исключительно одного года. Византийская культура оказала влияние на Возрождение, но еще за более чем полвека до 1453 года византийские ученые стали покидать свою нищую и ненадежную родину ради уютных профессорских кафедр в Италии, а греки, следовавшие за ними после 1453 года, в большинстве своем были не беженцами от нового ига иноверцев, а студентами и исследователями с островов, которые пока еще находились под контролем Венеции. Уже давно возрастающее могущество османов чинило помехи торговым городам Италии, но все же не погубило их коммерцию, разве что закрыло для них пути в Черное море. Завоевание османами Египта оказалось более пагубным для Венеции, нежели взятие Константинополя, и даже если захват султаном черноморских проливов нанес Генуе тяжелый удар, то не потеря внешней торговли, а ее шаткое положение в Италии обусловило ее падение.

Даже в широкой политической плоскости падение Константинополя мало что изменило. Турки и без того уже вышли на берега Дуная и угрожали Центральной Европе, и ни для кого не было секретом, что Константинополь обречен, что империя, фактически состоявшая из одного приходящего в упадок города, не может устоять против государства, чья территория охватывала большую часть Балканского полуострова и Малой Азии, против империи, энергично руководимой и располагающей самой эффективной военной машиной своего времени. Христианский мир, бесспорно, был глубоко потрясен падением Константинополя. Не обладая нашей возможностью делать мудрые выводы задним числом, страны Запада не сумели понять всей неизбежности турецких завоеваний. Однако эта трагедия никак не сказалась на их политике или, вернее, ее отсутствии в восточном вопросе. Одна только Папская курия была искренне удручена и действительно планировала ответные шаги, но вскоре и у нее возникли более насущные проблемы в собственном доме.

В силу всего вышесказанного может показаться, что события 1453 года вряд ли заслуживают отдельной книги. Но в действительности они представляли огромную важность для двух народов. Туркам захват древнего города императоров не только давал новую столицу империи, но и гарантировал прочность их положения в Европе. Пока им не принадлежал этот город, находившийся фактически в центре их владений, на перекрестке Европы и Азии, они не могли чувствовать себя в безопасности. У них не было причин бояться греков как таковых, однако крупный альянс христианских государств, опираясь на эту базу, все еще мог бы их оттеснить. Обладая Константинополем, они могли быть уверены в будущем. И после всех превратностей своей истории турки по-прежнему владеют Фракией и их позиции по-прежнему сильны в Европе.

Для греков падение Константинополя оказалось еще более судьбоносным. Для них оно стало настоящим завершением главы их истории. Великолепная цивилизация Византии уже сыграла свою облагораживающую роль в окружающем мире и теперь умирала сама вместе с умирающим городом. Но пока она еще не погибла. Среди убывающего населения Константи-

нополя накануне его гибели все еще встречалось множество блестящих умов своего времени, людей, взращенных в традициях высокой культуры, ушедшей корнями во времена Древней Греции и Рима. И до тех пор, пока император, наместник Бога, находился на Босфоре, любой грек, даже оказавшийся в неволе, с гордостью мог осознавать свою принадлежность к истинно православному христианскому сообществу. На грешной земле император мало что мог сделать для людей, но все же он оставался средоточием и олицетворением божественной власти. Когда же вместе со своим городом пал и император, пришло царство антихриста, и Греция была загнана в подполье, где выживала, как могла. Эллинизм не умер окончательно, и это дань нескончаемой жизнестойкости и мужеству греческого духа.

В этом повествовании греческий народ предстает трагическим героем, и именно эту точку зрения автор и старался передать. Эта история рассказывалась неоднократно. Она взволновала Гиббона, хотя и не настолько, чтобы заставить его забыть о презрении к Византии. На английском языке последним о ней исчерпывающе рассказал сэр Эдвин Пирс. Его рассказ о том, как велась осада, основанный на тщательном изучении источников и близком личном знакомстве с особенностями местности, по-прежнему представляет ценность, хотя в других отношениях благодаря современным исследованиям книга несколько устарела. Я чрезвычайно признателен автору за этот труд, который доселе остается лучшим повествованием о событиях 1453 года на каком бы то ни было языке. Со времен его опубликования множество ученых расширили наши знания по данному вопросу. В частности, вышло немало статей и эссе, приуроченных к пятистолетию со дня этих достопамятных событий. Но, не считая книги Гюстава Шлюмберже, увидевшей свет в 1914 году и почти полностью основанной на сочинении Пирса, за последующие полвека ни на одном из западных языков не вышло ни единого исчерпывающего изложения хода осады.

В попытке заполнить этот пробел я с благодарностью воспользовался трудами многих ученых нашего времени, ныне здравствующих и уже покинувших нас. Я хотел бы особо отметить профессоров Закифиноса и Зораса. В том, что касается истории османов, мы в глубоком долгу перед профессором Бабингером, пусть даже его превосходная книга о султанах-завоевателях и не содержит ссылок на использованные им источники. Для понимания раннего периода истории турок непревзойденной ценностью обладают работы профессора Виттека, а среди более молодых турецких ученых нужно упомянуть профессора Иналджика. Важным подспорьем для меня стала прекрасная книга отца Гилла о Флорентийском соборе.

В приложении 1 я привожу краткий обзор основных источников по истории рассматриваемых событий. Не все из них оказалось легко достать. Христианские источники собраны около 80 лет назад покойным профессором Детье в двух томах *Monumenta Hungariae Historica* – XXI и XXII, части 1 и 2, но, несмотря на то что эти тома были набраны, они так и не публиковались, вероятно, по причине большого количества содержащихся в них ошибок. Немногие из мусульманских источников легкодоступны, особенно для того, кто может читать османских авторов лишь медленно и с трудом. Надеюсь, что мне все же удалось проникнуть в их суть. Эта книга никогда не увидела бы свет, если бы не Лондонская библиотека. Также я хотел бы выразить благодарность сотрудникам читального зала Британского музея за их терпение и помощь. Я хотел бы поблагодарить и мистера С.Дж. Папаставру за его помощь в вычитке текста, а кроме того, старшин и персонал издательства Кембриджского университета за их неизменную снисходительность и доброту.

Примечание о транслитерации имен

Я не могу с уверенностью претендовать на какую-либо последовательность в передаче имен с греческого или турецкого языка. В транслитерации греческих имен я выбирал, как мне кажется, знакомую и естественную их форму. Для турецких имен я использовал простую фонетическую транскрипцию, кроме слов современного турецкого языка, в которых я придерживался их современного турецкого написания. Султана я называю его турецким именем Мехмед, а не Магомет или Мохаммед. Надеюсь, что мои турецкие друзья простят меня за то, что я называю город, о котором пишу, Константинополем, а не Стамбулом. Поступить иначе значило бы проявить чрезмерную педантичность.

Стивен Рансимен

Глава 1. Умирающая империя

В Рождество 1400 года король Англии Генрих IV устраивал пир у себя в Элтемском дворце. Дело было не только в религиозном празднике. Король хотел воздать почести высокому гостю. Этим гостем был Мануил II Палеолог, император греков, как его обычно звали на Западе, хотя кое-кто еще помнил, что именно он был истинным императором Римской империи. Мануил ехал через Италию и сделал остановку в Париже, где французский король Карл VI поселил его в специально отстроенном крыле Лувра, и профессора Сорбонны восторженно приняли монарха, способного вести с ними диспуты с не меньшими, чем у них самих, искусством и ученостью. В Англии на всех произвели впечатление его величественные манеры и безупречно белые одеяния, в которые облачался он сам и его вельможи. Но, несмотря на все высокие титулы Мануила, принимавшие его государи испытывали к нему жалость, ведь он прибыл к ним в качестве просителя, отчаянно нуждаясь в помощи против неверных, наседавших на его империю со всех сторон. Адвокату Адаму из Аска, служившему при дворе короля Генриха, было мучительно видеть его там. «Я подумал, – писал Адам, – как печально, что великий христианский государь из-за сарацин принужден добираться с далекого Востока до самых отдаленных островов Запады в поисках помощи против них... Боже милостивый, – добавлял он, – что ныне случилось с тобою, древняя слава Рима?!»

В самом деле, от древней Римской империи осталась только тень. Мануил был законным наследником Августа и Константина, но уже много веков миновало с тех пор, когда константинопольские императоры могли претендовать на верность и подчинение римского мира. Для Запады они превратились всего лишь в правителей греков, византийцев, недостойных соперников тех императоров, которые возникли на Западе. До XI века Византия являла собою блестящую и могущественную державу, заступницу христианства от агрессии ислама. Византийцы исполняли свой долг уверенно и успешно, до тех пор пока в середине XI века с Востока не пришла новая мусульманская угроза – нашествие тюрок; в то время как Западная Европа дошла до такого уровня развития, что сама сделала попытку завоевательного похода в лице норманнов. Византии пришлось вести войну на двух фронтах в тот момент, когда она проходила через конституционные и династические трудности. Норманнов удалось отогнать, хотя и с потерей византийской Италии, но Византии пришлось навсегда отдать тюркам земли, откуда она черпала большую часть солдат и продовольствия, – равнины Анатолийского плоскогорья. С тех пор империя так и не могла вырваться из этого положения между молотом и наковальней, и оно вдобавок осложнялась тем явлением, которое мы зовем крестовыми походами. Будучи христианами, византийцы разделяли чувства крестоносцев. Но давний политический опыт научил их проявлять определенную терпимость к иноверцам и мириться с их существованием. Священная же война в том виде, какой представлял ее Запад, казалась им опасной и неосуществимой.

Правда, и они надеялись пожать ее плоды. Однако человек, находясь меж двух огней, может быть в безопасности, только если силен. Византия продолжала играть роль великой державы, когда, по сути, могущество ее уже было подорвано. Потеря источников новобранцев в Анатолии в период постоянных войн вынудила императора полагаться на иностранных союзников и чужеземных наемников, а те и другие требовали денежной оплаты и торговых концессий, причем в то время, когда внутренняя экономика империи была ослаблена утратой анатолийских сельскохозяйственных угодий. На протяжении всего XII века Константинополь произ-

¹ Оскар Халецкий, *Rome et Byzance en temps du grand Schisme d'Occident*, говорит, что Мануил беседовал с папой Бонифацием IX в 1402 г. Данных для этого утверждения недостаточно, но Мануил действительно отправлял посланников к папе в 1404 г. (*Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.*)

водил впечатление столь богатого и блистательного города, имперский двор – столь великолепно, а верфи и базары – до такой степени переполненных товарами, что на императора смотрели как на могущественного властелина. Но мусульмане не испытывали благодарности к нему за то, что он пытался унять пыл Христовой рати, а крестоносцев оскорбляло его равнодушное отношение к священной войне, которую они вели. Тем временем неуклонно обострялись религиозные разногласия между восточным и западным христианством, уходящие корнями еще к самым истокам и усугубленные политическими событиями XI века, пока к концу XII столетия между церквями Рима и Константинополя не произошел открытый раскол.

Этот кризис пришелся на тот момент, когда армия крестоносцев, увлекаемая честолюбием своих предводителей, завистливой жадностью венецианских союзников и той ненавистью, которую отныне любой западноевропеец питал к византийской церкви, обратилась против Константинополя, захватила и разграбила его и построила на его обломках Латинскую империю. Четвертый поход 1204 года положил конец старой Восточной Римской империи как наднациональному государству. После полувекового изгнания в Никее, на северо-западе Малой Азии, императоры вернулись в Константинополь, и Латинская империя рухнула. Казалось, Византию ждет новая эра величия. Но восстановленная Михаилом Палеологом империя уже не была доминирующей силой на христианском Востоке. Конечно, она сохранила долю былого мистического влияния. Константинополь по-прежнему оставался Новым Римом, древней священной столицей православного христианства. Ее государь, по крайней мере в глазах Востока, еще оставался императором Рима. Но в действительности он был всего лишь одним правителем из многих, таких же или более могущественных. Кроме него, существовали и другие греческие государи. Восточнее располагалась Трапезундская империя Великих Комнинов, разбогатевшая на серебряных рудниках и торговле, что шла по стародавнему пути из Тебриза и глубин Азии. В Эпире возник деспотат правителей из рода Ангелов, который одно время соперничал с никейцами за отвоевание столицы, но вскоре полностью обессилел. На Балканском полуострове по очереди господствовали Болгария и Сербия. По всей материковой и островной Греции были рассыпаны франкские сеньории и итальянские колонии. Чтобы изгнать венецианцев из Константинополя, византийцы позвали на помощь генуэзцев – их пришлось наградить, и теперь генуэзская колония в Пере, или Галате², что напротив Золотого Рога, прибрала к рукам большую часть столичной торговли. Тучи сгущались со всех сторон. В Италии кое-каким владетельным князьям не терпелось отомстить за гибель Латинской империи. Славянские правители на Балканах мечтали примерить на себя титул императора. Лишь в Азии турки на время затихли; признаться, без этой передышки византийцам едва ли удалось бы уцелеть. Но вскоре турки воспрянут во главе с династией блестящих вождей – Османа и его преемников. Восстановленной Византийской империи, завязшей в путанице европейских дел, непрерывно находившейся под угрозой с Запада, требовалось больше денег и людей, чем она располагала. Она сэкономила на своей восточной границе, пока не стало слишком поздно и османские турки не сломили ее оборону.

Иллюзии рухнули. XIV век стал для Византии периодом политической катастрофы. Несколько десятилетий казалось, что великое сербское царство вот-вот поглотит всю империю. Провинции разоряла отбившаяся от рук банда наемников – Каталонская компания. Началась долгая вереница междоусобных войн, возникших как результат личных и династических распрей при дворе и обострившихся, когда в конфликт были вовлечены социальные и религиозные партии. Император Иоанн V Палеолог, царствовавший пятьдесят лет с 1341 по 1391 год, не менее трех раз лишался престола: один раз из-за тестя, другой – из-за сына, а третий – из-за внука, хотя свою жизнь он все-таки окончил государем. Страну терзали и опустошительные

² В современном употреблении различается Галата, расположенная в низине, и Пера, стоящая на холме. В Средневековье такого различия не делали. Оба топонима были взаимозаменяемыми, но официальным считалось название Пера.

поветрия чумы. «Черная смерть» 1347 года, ударившая в самый разгар гражданской войны, унесла не меньше трети населения империи. Турки воспользовались бедами Византии и Балкан, чтобы переправиться за море в Европу и проникнуть все глубже и глубже, пока к концу века армии султана не дошли до самого Дуная, и Византия не оказалась полностью окружена его владея ниями. Все, что осталось от империи, это сам Константинополь и несколько городов, рассеянных вдоль побережья Мраморного моря во Фракии и Черного моря на север до самой Месемврии, а также Фессалоники с окрестностями, несколько островков и Пелопоннес, где деспоты Мореи из младшей линии императорской династии сумели добиться некоторых успехов и отвоевать землю у франков. Отдельные латинские сеньории и колонии в тревогах выживали в материковой Греции и на ее островах. В Афинах пока еще правили флорентийские герцоги, а в Эгейском архипелаге – веронские сеньоры. На всех остальных территориях хозяйничали турки³.

По капризу судьбы этот период политического упадка сопровождался всплеском активной и творческой культурной жизни, более чем в любой иной момент византийской истории. В художественном и интеллектуальном плане эпоха Палеологов являет собой нечто выдающееся. Мозаики и фрески начала XIV века в константинопольской церкви Христа Спасителя в Хоре отличаются такой энергией, свежестью и красотой, по сравнению с которыми итальянские произведения того же времени кажутся примитивными и грубыми поделками. Такие же шедевры создавались повсюду в столице и Фессалониках. Однако столь великолепная работа обходилась дорого. Денег стало не хватать. В 1347 году было замечено, что в венцах, которые надевали на коронацию император Иоанн VI и его супруга, вставлены не драгоценные камни, а стекло. К концу века, хотя еще создавались мелкие произведения искусства, только в провинциях, в Мистре на Пелопоннесе или на горе Афон еще строились новые храмы, но украшались они скупой. Но интеллектуальная жизнь, которая не требовала столь больших финансовых затрат, была ключом. Константинопольский университет был вновь учрежден в конце XIII века благодаря великому министру Феодору Метохиту, человеку прекрасного вкуса и учености; именно его покровительству церковь Хора обязана своим убранством. Он окрылил целое поколение замечательных ученых, последовавших за ним. Главные мыслители XIV века, такие как историк Никифор Григора, богослов Григорий Палама, мистик Николай Кавасила или философы Димитрий Кидонис и Григорий Акиндин, – все они какое-то время обучались в университете и находились под влиянием Метохита. Помощь и поддержку всем им также оказывал его преемник на посту главного министра Иоанн Кантакузин, хотя некоторые из них впоследствии порвали с ним, когда он узурпировал императорский венец. Каждый из этих интеллектуалов обладал своеобразным мышлением; их диспуты были так же темпераментны, как и их дружба. Они спорили, как это водилось за греками почти две тысячи лет, о сравнительных достоинствах Платона и Аристотеля. Они дискутировали из-за семантики и логики и в своей аргументации неизбежно вторгались в область теологии. Православная традиция с опаской относилась к философии. Добропорядочные церковнослужители имели доверие к философскому обучению. Они пользовались платоновскими терминами и аристотелевской методологией. Но их богословие было апофатическим⁴. Они утверждали, что философия не способна решить загадки Божества, ибо Бог по самой своей сути непостижим для человеческого ума. Проблемы возникли в середине XIV века, когда некоторые философы под влиянием западной схоластики атаковали традиционную теорию религиозного мистицизма; и ее защитникам пришлось поэтому сформулировать свою доктрину и заявить о вере в нетварные энергии Бога. Она вызвала ожесточенные споры, разделив на два лагеря друзей и единомышленников. Учение

³ Бартоломео делла Пульола, *Historia Miscella*, говорит, что в Константинополе погибло две трети населения; *Chronicon Estense* оценивает количество погибших в восемь девятых населения.

⁴ Богословие, стремящееся выразить Божественное не через утверждение, а через отрицание несвойственных ему качеств. (Примеч. пер.)

об энергиях в основном поддержали монахи, как правило противники рассудочного начала. Главный выразитель их взглядов Палама, чьим именем часто и называют это учение, был мыслителем выдающегося ума, но не склонным к гуманизму. Среди его союзников, однако, оказались такие интеллектуалы-гуманисты, как Иоанн Кантакузин и Николай Кавасила. Их победа, вопреки тому, что часто утверждается, не была торжеством обскурантизма.

Надо всем господствовал вопрос, касавшийся не только богословов и философов, но и политиков. Это был вопрос унии с римской церковью. Раскол теперь стал окончательным, и триумф паламизма углубил эту пропасть. Но многие государственные мужи Византии считали очевидным, что империя не выстоит без помощи Запада. И если эту помощь можно получить только ценой подчинения римской церкви, то греки должны подчиниться. Михаил Палеолог пытался воспрепятствовать планам Запада по восстановлению Латинской империи тем, что от имени своего народа заключил унию с Римом на Лионском соборе. Большинство византийцев встретили его действия с гневом и возмущением, а когда опасность миновала, его сын Андроник II отменил унию. Теперь же, когда империю со всех сторон окружали турки, положение стало куда более опасным. Уния была необходима уже не для того, чтобы откупиться от недругов-христиан, а чтобы приобрести друзей для борьбы с куда более грозным врагом-иноверцем. На православном Востоке не существовало такой силы, которая могла бы прийти на помощь Византии. Государи дунайских стран и Кавказа были слишком слабы, им самим угрожала страшная опасность, а Русь была слишком далеко и решала собственные проблемы. Но станут ли католические государи спешить на помощь к тем, кого считают раскольниками? Не посчитают ли они турецкое нашествие Божьей карой за раскол? Обдумывая все это, император Иоанн V лично признал папское владычество в Италии в 1369 году. Но он благоразумно отказался говорить от имени своих подданных, хотя надеялся – как оказалось, напрасно – убедить их последовать его примеру.

Ни Михаил VIII, ни Иоанн V не были богословами. Для них обоих политические выгоды унии перевешивали все остальные соображения. С точки зрения теологии проблема была сложнее. Восточное и западное христианство издавна расходились в области богословия, богослужения и церковной теории и практики. Сейчас же их разделял главный теологический вопрос – об исхождении Святого Духа и добавлении католиками слова «филиокве»⁵ к Символу веры. Были и другие, не столь важные вопросы. Недавно санкционированное учение об энергиях было неприемлемо для Запада. А западный догмат о чистилище казался Востоку самоуверенным до чванства. В литургической сфере главные разногласия вызывал вопрос, какой хлеб использовать в таинстве евхаристии – пресный или квасной. То, что на Западе причащались пресным хлебом, восточным христианам казалось иудейством и неуважением к Духу Святому, ведь именно его символизировала закваска. Такое же пренебрежение проявляли католики и тем, что отказывались признавать эпиклезу, призывание Святого Духа, без которой, по мнению Востока, хлеб и вино не могли считаться полностью освященными. Споры велись из-за причастия под обоими видами для мирян и безбрачия священников. Но самое фундаментальное противоречие относилось к сфере церкви. Признавать ли за римским епископом только почетный примат или же абсолютное первенство в церкви? Византийская традиция придерживалась давнего убеждения в харизматическое равенство епископов. Ни один, даже наместник святого Петра, не имел права навязывать другим свою доктрину, как бы глубоко его ни почитали. Определять вероучение мог только вселенский собор, на котором, подобно Пятидесятнице, представлены все епископы церкви и вдохновлены низошедшим на них Святым Духом. Слова, прибавленные Римом к Символу веры, возмущали и шокировали Восток не только с точки зрения богословия, но и потому, что они односторонне изменили формулу, освященную Вселенским собором. Кроме того, восточная традиция не могла признать административную и

⁵ Filioque (досл. «и от сына», *лат.*) – догмат об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. (*Примеч. пер.*)

дисциплинарную власть Рима, полагая, что такими полномочиями обладает только пентархия патриархов, в которой Рим был старшим, но не верховным членом. Византийцы глубоко уважали свои традиции и богослужebные обряды, но их принцип икономии, который советовал не обращать внимания на мелкие различия в интересах гладкого управления Домом Божиим, допускал для них некоторую гибкость. Римская же церковь по самой своей природе не могла так легко идти на уступки.

Византийские мыслители разделились. Многие из них были слишком верными сынами церкви, чтобы рассматривать вариант унии с Римом. Но многие другие, особенно среди философов, были готовы признать первенство Рима при условии, что их Символ веры и обряды не будут всецело осуждены. Для них наивысшую важность представляло единство всего христианства и христианской цивилизации. Кто-то из них побывал в Италии и увидел, как там кипит интеллектуальная жизнь. А еще они узнали, как высоко теперь ценятся греческие ученые, если приезжают как друзья. Около 1340 года Димитрий Кидонис перевел на греческий труды Фомы Аквинского. Схоластика Аквината привлекла многих греческих мудрецов и показала им, что итальянской мыслью не стоит пренебрегать. Они хотели укрепить интеллектуальные связи с Италией, и это желание было взаимным. Все чаще и чаще им предлагали выгодные профессорские кафедры на Западе. Идея интеграции византийской и итальянской культуры становилась все более привлекательной; и если греческие традиции не пострадают, так ли уж важно, подчинится ли греческая церковь Риму, учитывая все то уважение, которым пользовался Рим в прошлом, и великолепие итальянской культуры в настоящем?

Сторонников унии можно было отыскать только среди политиков и интеллектуалов. Монахи и не столь высокопоставленные священники были ее яростными противниками. Мало кто из них руководствовался соображениями культуры. Они все гордились своей верой и традициями. Они помнили, как страдали их отцы от рук латинских иерархов при власти латинских императоров. Именно они и повлияли на настроения в народе, убеждая его, что уния греховна и что принять ее – значит обречь свою душу на вечную погибель. А это участь хуже любого несчастья, которое может постигнуть их в сей земной юдоли. При их сопротивлении любому императору было бы трудно выполнить любые данные по поводу унии обещания; вдобавок на их стороне были ученые и теологи, эмоционально и рационально преданные традиции, а также политики, которые сомневались в способности Запада действительно спасти Византию.

Все эти ожесточенные споры проходили в условиях материального обеднения. Несмотря на блистательность его мыслителей, Константинополь в конце XIV века являл собою пребывающий в унынии, деградирующий город. Число его жителей, которых, включая пригороды, в XII веке насчитывалось около миллиона человек, теперь сократилось всего лишь до сотни тысяч и продолжало уменьшаться. В предместьях за Босфором хозяйничали турки. Пера, лежавшая напротив Золотого Рога, была генуэзской колонией. На окраинах у фракийского побережья Босфора и Мраморного моря, когда-то усеянных великолепными виллами и богатыми монастырями, остались одни деревушки, сбившиеся вокруг какой-нибудь старинной церкви. Сам город с его стенами длиной 14 миль⁶ даже во дни наивысшего расцвета полнился садами и парками, которые отделяли одни районы от других. Но теперь многих районов уже не было, а между оставшимися раскинулись рощи и поля. Путешественник Ибн Баттута в середине XIV века насчитал в стенах города тринадцать отдельных поселков. Гонсалес де Клавихо, увидевший Константинополь в первые годы XV века, был потрясен, что в таком обширном городе столько развалин, а несколько лет спустя Берtrandона де ла Брокьера поразила и ужаснула его пустыньность. Перо Тафур в 1437 году отметил, как разрозненно и бедно живут его обитатели. Во многих районах могло показаться, что находишься за городом, весной там цвели заросли шиповника, а в рощицах пели соловьи.

⁶ Около 23 км.

В юго-восточном конце города высились уже необитаемые постройки Старого императорского дворца. Последний латинский император, испытывая острую нужду, сначала продал множество константинопольских реликвий Людовику Святому, а перед тем, как отдать в заклад венецианцам собственного сына и наследника, ободрал со всех крыш свинец и продал за наличные. Ни у Михаила Палеолога, ни у кого-либо из его преемников не нашлось лишних денег, чтобы их восстановить. На дворцовой территории содержалось лишь несколько церквей, например Новая церковь Василия I и храм Богородицы Фаросской. Неподалеку ветшал Ипподром; молодые аристократы устраивали на арене спортивные игрища. По ту сторону площади стоял патриарший дворец, где все еще располагалась канцелярия патриарха, но сам он уже не отваживался там жить. Только великий собор Премудрости Божией, Святой Софии, по-прежнему блистал великолепием, и на его содержание была отведена особая статья в государственных расходах.

Главная улица, проходившая через город по центральному гребню от Харисийских ворот, современных Адрианопольских, к Старому дворцу, была неравномерно уставлена лавками и домами, а над нею возвышалась громада собора Святых Апостолов. Но здание совсем обветшало. Вдоль Золотого Рога поселки сбились плотнее, и жителей в них было больше, особенно на обоих концах – во Влахернах, у наземных стен, где тогда находился императорский дворец, и на краю города, под горой с арсеналом. Венецианцы владели процветающим кварталом внизу у гавани, а неподалеку пролегали улицы, отданные другим западным купцам – из Анконы, Флоренции, Рагузы и Каталонии, а также евреям. В том районе, где до сих пор находится большой турецкий базар, вдоль набережной протянулись склады, верфи и базары. Но все районы были обособлены друг от друга, многие окружали стены или частоколы. На южных склонах города, выходящих к Мраморному морю, поселки располагались реже и дальше друг от друга. В Студии, где стены спускались к морю, здания университета и патриаршей академии теснились вокруг древней церкви Святого Иоанна и ее исторического монастыря с прекрасной библиотекой. Восточнее находились верфи Псамафии. Оставалось еще несколько чудесных особняков и монастырей, женских и мужских, разбросанных по городу тут и там. На городских улицах еще можно было встретить богато разодетых господ и дам в экипажах и паланкинах, хотя дела Брокьер с грустью отметил, какой малочисленный эскорт сопровождал прелестную императрицу Марию во время ее поездки из храма Святой Софии во дворец. Но базары и верфи по-прежнему наполнились товарами и купцами, венецианскими, славянскими и мусульманскими, которые предпочитали вести дела в старом городе, а не с генуэзцами напротив Золотого Рога. Каждый год в столицу все так же стекались паломники, в основном с Руси, которые приезжали полюбоваться церквями и хранящимися в них реликвиями. Государство пока еще содержало гостиницы для богомольцев, а также больницы и сиротские дома, насколько хватало денег⁷.

У империи, помимо столицы, остался только один крупный город – Фессалоники. Он сохранил видимость большего процветания и по-прежнему оставался главным портом на Балканах. Тамошняя ежегодная ярмарка была местом встречи для купцов со всего мира. Он был не так велик, и в нем меньше чувствовалось запустение и упадок. Но Фессалоники так и не оправались от потрясений середины XIV века, когда им на несколько лет завладели народные революционеры – зелоты, разрушившие множество дворцов, купеческих домов и монастырей, прежде чем с ними расправились. Еще до конца века его оккупировали турки, хотя впоследствии его на время удалось отвоевать. Мистра на Пелопоннесе, столица морейских деспотов, хотя и могла похвастаться дворцом и крепостью и несколькими церквями, монастырями и школами, представляла собой немногим более чем деревню.

Такое безотрадное наследство, останки империи, и досталось императору Мануилу в 1391 году. Он и сам являл собою трагическую фигуру. Его юность прошла среди семейных

⁷ Патриарх Геннадий, сам житель Константинополя, пишет, что город обнищал и по большей части был необитаем.

распрей и войн, в которых он один оставался верен своему отцу Иоанну V, которого ему как-то раз пришлось даже спасать из венецианской долговой тюрьмы. Несколько лет Мануил провел в заложниках при турецком дворе и был вынужден принести присягу султану и даже возглавить византийский полк, чтобы помочь своему владыке покорить свободный византийский город Филадельфию. Он находил утешение в науке и, помимо прочих трудов, составил небольшую книжицу для турецких друзей, в которой проводил сравнение христианства с исламом, – она написана образцово для подобного рода литературы. Мануил был достойным императором. Он великодушно признал соправителем своего племянника Иоанна VII, сына старшего брата, и был вознагражден преданностью, которую этот неуравновешенный юноша хранил ему до конца своей недолгой жизни. Мануил попытался реформировать монастыри и поднять их уровень и все деньги, которые мог уделить, отдавал университету. Он понимал, что западная помощь политически необходима. Крестовый поход 1396 года, который с благословения двух соперничающих пап отправился на погибель из-за глупости своих предводителей в битве при Никополе на Дунае, был, по сути дела, ответом на просьбы короля Венгрии, а не императора, однако в 1399 году французский маршал Бусико все же явился в ответ на его призыв в Константинополь с немногочисленными войсками, хотя добились они немногого. Мануил противился церковной унии, отчасти из искренних религиозных убеждений, которые он откровенно изложил в трактате, составленном для профессоров Сорбонны, а отчасти потому, что слишком хорошо знал своих подданных и не верил, что они когда-нибудь на нее согласятся. Своему сыну и наследнику Иоанну VIII он советовал поддерживать переговоры об унии на дружественной основе, но не связывать себя никакими обязательствами, которые невозможно выполнить. Отправляясь искать помощи на Западе, он выбрал такой момент, когда папство было дискредитировано Великим расколом, и обратился к мирским властителям Европы, рассчитывая таким образом уйти из-под диктата римской церкви. Но при всей вызываемой им симпатии поездка не принесла ему никакой ощутимой выгоды, не считая мелких денежных сумм, которые принимавшие у себя его государи вытянули из своих подданных, не проявлявших восторга по этому поводу; а в 1402 году императору пришлось срочно возвращаться домой, когда стало известно, что султан предпринял наступление на Константинополь. Столицу удалось спасти еще до его возвращения, так как с востока во владения турок вторгся Тимур. Однако передышка, которую получила Византия после разгрома султана Баязида при Анкаре, не могла возродить умирающую империю. Мощь османских правителей была ослаблена лишь на короткий миг. Династические ссоры два десятка лет удерживали их от проявления агрессии, и, когда в 1423 году султан Мурад II выступил на Константинополь, ему пришлось почти сразу же снять осаду из-за семейных интриг и слухов о восстании.

Вмешательство Тимура отсрочило падение Константинополя на полвека. Но Мануил в одиночку был не в силах воспользоваться этим шансом. Он отвоевал несколько городов во Фракии и обеспечил приход к власти дружественного правителя в султанате. Если бы все державы Европы вошли в единую коалицию против османских турок, угрозу удалось бы предотвратить. Но чтобы сформировалась коалиция, нужно время и добрая воля, а ни того ни другого не было. Генуэзцы, опасаясь за свою торговлю, поспешили отправить посольство к Тимуру и предоставить корабли для перевозки побежденных турок из Азии в Европу. Венецианцы, боясь, что генуэзцы их обойдут, велели властям своих колоний соблюдать строгий нейтралитет. Папы в пароксизмах Великого раскола не могли подать хороший пример. Светские власти Запада помнили провальную никопольскую кампанию, да и у каждого из них были свои, более насущные заботы. Король Венгрии, думая, что турки больше ему не угрожают, с головой ушел в интриги с Германией, из которых выйдет императором Запада. Прямая опасность Константинополю пока не угрожала. Зачем было кому-то волноваться из-за него уже сейчас?

В самом Константинополе такого оптимизма не испытывали. Однако, несмотря на осознание опасности, в нем не прекратилась яркая интеллектуальная жизнь. Старое поколение

мыслителей уже ушло. Ныне, не считая самого императора, ведущей фигурой был Иосиф Вриенний, глава патриаршей академии и профессор университета. Он был наставником последнего выдающегося поколения византийских ученых, прекрасно разбирался и в западной, и в греческой литературе и способствовал императору, когда тот пожелал ввести изучение западных дисциплин в университетскую программу. Вриенний радушно приветствовал студентов с Запада. Более того, Энеа Сильвио Пикколомини, будущий папа Пий II, позднее напишет, что во времена его юности любой итальянец, претендовавший на ученость, утверждал, что обучался в Константинополе. Но Вриенний, как и Мануил, был противником церковной унии. Он не мог согласиться с римской теологией и не желал отказываться от византийских традиций.

Еще более выдающийся ученый – Георгий Гемист Плифон, который был несколько моложе Вриенния, уехал в эти годы из родного Константинополя и поселился в Мистре под патронажем самого эрудированного из императорских сыновей – деспота Мореи Феодора II. Там он основал Платоновскую академию и написал ряд трудов, в которых призывал реорганизовать государство по платоновским принципам. Только это, считал он, оживит греческий мир. Он выдвигал предложения по общественным, экономическим и военным вопросам, но лишь немногие из них были осуществимы на практике. В религии он отстаивал платоновскую космологию с налетом эпикурейства и зороастризма. Номинально он оставался православным, но христианство мало значило для него, и Бога он любил называть Зевсом. Его религиозные взгляды так никогда и не были опубликованы открыто. Рукопись, в которой он их изложил, после его смерти и падения Константинополя попала в руки его старого друга и оппонента патриарха Геннадия, который прочел ее со все возрастающим увлечением и ужасом и в конце неохотно приказал ее сжечь. От нее сохранилось лишь несколько фрагментов.

Плифон был горячим приверженцем терминологии, употребление которой свидетельствовало о больших изменениях, произошедших в византийском мире. До той поры словом «эллин», «эллинский» византийцы, кроме тех случаев, когда говорили о греческом языке, называли греков-язычников в противоположность грекам-христианам. Теперь же, когда от империи осталось немногим более чем несколько городов-государств, когда Западная Европа преисполнилась восхищения Древней Грецией, гуманисты стали называть себя эллинами. Империя еще официально носила имя Римской, но в ученых кругах совсем забросили слово «ромей», которым раньше сами звали себя византийцы, пока в конце концов слово «ромейский» не стало означать народный язык в отличие от литературного. Эта мода пошла с Фессалоник, где интеллектуалы чрезвычайно гордились своим греческим наследием. Николай Кавасила, сам фессалоникиец, писал о «нашей общей Элладе». Его примеру последовали некоторые современники. В конце века к Мануилу уже часто обращались как к императору эллинов. За несколько веков до того при дворе даже не принимали западных послов, если они прибывали в Константинополь с письмами, адресованными «императору греков». Теперь же, хотя кое-кому из поборников старины не нравился новый термин и хотя никто и не вкладывал в него идеи отказа от экуменических притязаний империи, это слово распространилось повсеместно, напоминая византийцам о наследии Древней Эллады. В последние десятилетия своего существования Константинополь осознал себя именно греческим городом.

Мануил II удалился от деятельной жизни в 1423 году и окончил свои дни два года спустя. Его друг султан Мехмед I к тому времени уже умер, и при новом султани – Мураде II – османская держава обрела новое могущество. Немало греков восхищалось Мурадом, который, невзирая на то, что был ревностным мусульманином, имел понятия о доброте, чести и справедливости; однако его характер полностью раскрылся, когда в 1422 году он пошел на Константинополь. Хотя попытка осады окончилась ничем, давление султана на другие области империи было так сильно, что правитель Фессалоник Андроник, третий сын Мануила, болезненный, нервный человек, отчаялся удержать свой город и продал его венецианцам. Но и те не смогли его удержать. После короткой осады Фессалоники пали перед турками в 1430 году.

В последующие годы Мурад не проявлял особой воинственности. Но как долго суждено было продлиться этому затишью?

Старший сын Мануила Иоанн VIII полностью уверился в том, что одна только помощь Запада может спасти империю, и, пренебрегая советом отца, решил добиваться унии с Римом. Только западная церковь могла бросить клич Европе для его спасения. Папство уже оправилось от своего раскола, но возродилось оно через соборы. Иоанн понимал, что единственный шанс убедить народ признать унию состоит в том, чтобы такое решение принял собор, как можно более представительный, насколько позволяла ситуация. Теперь папство не могло отвергнуть план созыва собора. После долгих переговоров папа Евгений IV предложил императору привезти свою делегацию на собор, который должен был состояться в Италии. Иоанн предпочел бы провести его в Константинополе, но все же принял приглашение. Собор открылся в Ферраре в 1438 году, а на следующий год перебрался во Флоренцию, где участники провели важнейшие дискуссии.

Подробное описание деятельности собора – скучное чтение. Шли споры о том, кто будет председательствовать. Может быть, император, подобно императорам на соборах прошлого? Как папа примет патриарха Константинопольского? Было решено, что пройдут дебаты о правильном толковании канонов вселенских соборов и текстов патристики. Считалось, что отцы церкви, равно латинские и греческие, вдохновлялись Святым Духом, и полагалось следовать их постановлениям. К сожалению, это божественное вдохновение, как видно, не отличалось последовательностью. Отцы церкви часто не соглашались друг с другом, а порой даже противоречили сами себе. Также возникали бесчисленные языковые трудности. Редко когда удавалось найти точный латинский эквивалент греческих богословских терминов, да и греческий и латинский варианты канонов часто отличались друг от друга. Надо признать, что в дебатах латиняне все-таки одержали верх. Их делегация состояла из опытных полемистов, работавших единой командой, за спинами которых стоял папа со своими наставлениями. Греческая же делегация была более разобщенной. Епископы приехали жалкой кучкой, поскольку многие из прославленных иерархов отказались к ним присоединиться. Чтобы поднять уровень участников, император поставил на митрополичьи кафедры трех ученых монахов. Это были Виссарион Трапезундский, митрополит Никейский, Исидор, митрополит Киевский и всея Руси, и Марк Евгеник, митрополит Эфесский. К ним он прибавил четырех философов-мирян – Георгия Схолария, Георгия Амируци, Георгия Трапезундского и престарелого Плифона. К восточным патриархам обратились с просьбой назначить делегатов из своих епископов, но они подчинились неохотно и не дали своим представителям всех полномочий. По православной традиции считалось, что все епископы, включая и самого патриарха, равно боговдохновлены в вероучительных вопросах, и даже мирянам дозволялось иметь свои богословские мнения. Поэтому все греческие участники дискуссии шли своим путем. Патриарх, добродушный старичок по имени Иосиф, незаконный сын болгарского князя и гречанки, был человеком неглубокого ума, некрепкого здоровья и небольшого авторитета. Императору приходилось вмешиваться лично, чтобы не дать обсуждению перейти на неудобные темы, например на учение об энергиях. Греческие делегаты действовали не связанно, без единой политики; всем им не хватало денег и не терпелось вернуться домой.

В конце концов унию все-таки удалось провалить. Из философов ее признали Георгий Схоларий, Георгий Амируци и Георгий Трапезундский – все поклонники Фомы Аквинского. Плифон, по-видимому, сумел уклониться и не поставил своей подписи. На его взгляд, латинская церковь была еще более враждебной свободной мысли, нежели греческая. Но зато он прекрасно провел время во Флоренции. Его расхваливали как главного платоника среди философов, и Козимо де Медичи основал в его честь Платоновскую академию. Поэтому свои возражения он оставил при себе. Патриарх Иосиф согласился с католиками, что их формула об исхождении Святого Духа от Сына означает то же самое, что и греческая формула об исхож-

дении Святого Духа через Сына, после чего заболел и умер. Как заметил один нелюбезный мыслитель, что еще ему оставалось как порядочному человеку, после того как он перепутал все свои препозииции? Виссариона и Исидора переубедили латиняне. Их впечатлила ученость итальянцев, и они хотели интегрировать греческую и итальянскую культуры. Остальные греческие епископы, за одним исключением, подписали акт об унии, хотя кое-кто из них все же протестовал и жаловался на давление и угрозы со стороны императора. Упомянутым исключением стал Марк Эфесский, не желавший подписывать унию, даже когда ему пригрозили отнять митрополию. Сам акт, хотя и признавал некоторые греческие обряды, представлял собой фактически изложение католической доктрины, хотя туда и внесли несколько расплывчатую оговорку об отношениях между папой и соборами.

Но легче было заключить унию, чем осуществить. Когда делегация вернулась в Константинополь, ее встретили с неприкрытой враждой. Вскоре Виссарион, несмотря на то что пользовался глубоким уважением, счел благоразумным отбыть в Италию, где к нему присоединился Исидор, гневно отвергнутый русскими верующими. Восточные патриархи отказались считать себя связанными подписями своих делегатов. Императору трудно было найти подходящего человека, чтобы поставить его во главе Константинопольской патриархии. Первый его кандидат почти сразу же скончался. Следующий – Григорий Мамма, назначенный в 1445 году, занимал свой пост шесть лет в безрадостной атмосфере почти всеобщего бойкота со стороны духовенства, после чего уехал в Рим, в более дружественную обстановку. Марка Эфесского низложили, но в народе его считали истинным главой церкви. Что до философов, то Георгий Трапезундский перебрался в Италию. Георгия Схолария стали одолевать сомнения, скорее политические, чем религиозные. Он по-прежнему оставался приверженцем схоластики, но пришел к выводу, что уния не отвечает греческим интересам. Он удалился в монастырь, где принял монашеское имя Геннадий. После смерти Марка Эфесского он стал признанным вождем партии противников унии. Георгий Амируци пошел еще дальше и размышлял о возможностях достижения взаимопонимания с исламом. Даже сам император стал задумываться, правильно ли он поступил. Он не отказывался от унии, но под влиянием матери, императрицы Елены, перестал добиваться ее осуществления⁸. Единственное, что принесла уния умирающему городу, – это раздор и озлобление.

Если вслед за ее заключением вскоре состоялся бы успешный поход против турок, уния, возможно, получила бы неохотное признание. Папа Евгений проповедовал крестовый поход в 1440 году и в конце концов даже организовал армию, состоявшую в основном из венгров, которая перешла Дунай в 1444 году. Но затем папский легат, кардинал Чезарини, принудил командующего армией Яноша Хуньяди, трансильванского воеводу, нарушить официальный договор с султаном на том основании, что клятва, принесенная иноверцу, недействительна, и не сумел договориться с ним о стратегии. Султан Мурад без особого труда одолел силы крестоносцев при Варне на берегах Черного моря.

В глазах многих западных историков византийцы, отвергнув унию, с безрассудством и упрямством совершали самоубийство. Простой народ во главе с монахами вдохновляла страстная преданность своей вере, своему богослужению и традициям, которые они считали предписанными самим Господом Богом, и отказаться от них было бы грехом. Это был век религии. Византийцы знали, что земная жизнь – всего лишь подготовка к жизни вечной. О том, чтобы покупать телесную безопасность здесь, в брэнном мире, ценою райского спасения, не могло идти и речи. В этом была и доля фатализма. Если им уготована злая судьбина, она станет Божеской карой за их грехи. Греки были пессимистами. В сыром тоскливом климате Босфора природная жизнерадостность греков померкла. Даже во времена расцвета империи в народе шептались о пророчествах, говоривших, что он не будет длиться вечно. Всем было известно, что

⁸ Позднее императрица-мать, видимо, переменяла свое мнение.

на камнях, разбросанных по городу, и в книгах, писанных мудрецами прошлого, есть перечень императоров, и он близится к концу. Царство антихриста уже при дверях. Даже тех, кто верил, что Божия Матерь не попустит того, чтобы посвященный ей город пал в руки нехристей, теперь стало мало. Союз с еретическим Западом не мог принести спасения и не мог изменить судьбу⁹.

Возможно, эти набожные воззрения были невежественны и близоруки. Но были и мыслящие государственные мужи, также сомневавшиеся в выгодах унии. Многие из них считали, и не без оснований, что Запад никогда не сможет или не захочет прислать помощь, достаточно эффективную для того, чтобы поставить преграду перед превосходно организованной военной мощью турок. Другие, особенно среди церковных иерархов, боялись, что уния в итоге окончится лишь новой схизмой. Разве греки, так долго старавшиеся сохранить свое достоинство и единство в условиях гонений со стороны франкских властей, не почувствуют, что их предали? Все больше и больше греков оказывалось под турецкой пятой и могло поддерживать связь с Константинополем только через церковь. Если Константинопольская патриархия подчинится Западу, последуют ли за нею поместные церкви? Их главы наверняка этого не одобряют. Захотят ли присоединиться к ней кавказские, дунайские и русская православные церкви? Братские патриархии Востока со всей откровенностью выразили свое осуждение. Можно ли надеяться на то, что православные, подчиненные Византийской патриархии, но независимые от империи, согласятся на духовное владычество Запада только ради того, чтобы спасти империю? Русские были особенно известны своей ненавистью к католической церкви как к церкви их врагов, поляков и скандинавов. Из меморандума, датированного 1437 годом, мы узнаем, что из шестидесяти семи подчиненных патриарху Константинопольскому метрополий только восемь еще находились во владениях императора и еще семь – в Морейском деспотате. Иными словами, церковная уния с Римом вполне могла стоить патриарху потери более чем трех четвертей подчиненных ему епископов. Это был убедительный аргумент вдобавок к естественному нежеланию византийцев жертвовать своей религиозной свободой. Немногие государственные деятели заглядывали дальше. Так непредвзятому наблюдателю становится ясно, что Византия была обречена. Единственный шанс вновь объединить греческую церковь, а вместе с нею и греческий народ, возможно, состоял в том, чтобы признать турецкое владычество, которому и без того покорилось большинство греков. Только так можно было восстановить православную греческую нацию и дать ей новую жизнь, возможность со временем набрать достаточно сил, чтобы сбросить ярмо иноверцев и возродить Византию. За немногими исключениями, не было таких греков, у которых настолько отсутствовала бы гордость, чтобы они добровольно подчинили свое тело басурманам или свою душу – римским католикам. Но разве первое не было бы мудрее, если оно исключает второе? Возможно, греческое единство лучше сохранится в народе, сплоченном под властью мусульман, чем в отдельных фрагментах, разбросанных по периферии западного мира. Слова, которые враги приписали последнему великому министру Византии Луке Нотаре – «лучше султанский тюрбан, чем кардинальская шляпа», – на самом деле не так уж вопиющи, как может показаться на первый взгляд.

Виссариону и его единомышленникам-гуманистам, горячо и преданно старавшимся в Италии добиться помощи для соотечественников, атмосфера Константинополя казалась странной, глупой и узколобой. Они были убеждены, что уния с Западом волеет в Византию такую новую энергию в культурной и политической жизни, что она сможет снова возродиться. Кто может сказать, ошибались ли они?

После возвращения из Италии император Иоанн VIII прожил девять несчастливых лет. По приезде он узнал, что его любимая супруга императрица Мария Трапезундская умерла от

⁹ Гилл полагает, что Геннадий и его единомышленники уверяли, будто бы конец света уже не за горами. Как мне кажется, он слишком буквально воспринимает их фаталистическую убежденность в неизбежном воцарении антихриста, под которым они подразумевали султана.

чумы. Детей они не нажили. Его братья теряли время, ссорясь друг с другом на Пелопоннесе и строя заговоры против него во Фракии. Из всех родных Иоанн мог доверять только престарелой матери, императрице Елене, а она была противницей его политики. Он изо всех сил, проявляя терпение и такт, старался сохранить мир в своей расколотовой столице. Все деньги, которые могло уделить государство, он благоразумно тратил на ремонт великих городских стен, чтобы подготовить их к неминуемому наступлению турок¹⁰. Смерть принесла ему облегчение 31 октября 1448 года.

¹⁰ Часть стен ремонтировалась на деньги Георгия Бранковича, деспота Сербии.

Глава 2. Султанат на подъеме

В славные дни былого процветания Византия была непредставима без обладания Анатолией. Огромный полуостров, известный древним под именем Малой Азии, в римские времена был одним из самых густонаселенных регионов мира. Упадок Римской империи, сопровождавшийся распространением чумы и малярии, за которыми последовали нашествия персов и арабов VII и VIII веков, сократили ее население. Безопасность вернулась в IX веке. Продуманная система обороны уменьшила угрозу вражеских набегов. Сельское хозяйство смогло восстановиться и найти рынок сбыта для своей продукции в Константинополе и преуспевающих городах на побережье. Богатые западные долины изобиловали оливковыми и плодовыми садами и посадками злаков. Стада овец и коров бродили по нагорьям, и там, где были условия для орошения, возделывались тучные поля. Политика императоров состояла в том, что крупные имения не поощрялись, а предпочтение отдавалось деревенским общинам, которые в большинстве своем в уплату за аренду земли отряжали солдат в императорскую армию или местное ополчение. Центральное правительство поддерживало контроль над ними, осуществляя регулярный надзор и выплачивая жалованье чиновникам провинций из императорской казны.

Этого процветания не могло быть без надежной защиты границ. Там, на заболоченных низинах, шла совсем другая жизнь. Их оборону доверили местным приграничным баронам – акритам, которые проводили свои дни в набеге на вражеские земли и отражении вражеских нападений. Это были не подчинявшиеся законам, независимые люди, которые не признавали никаких попыток правительства обуздать их, ни за что не желали платить налоги, а, наоборот, ожидали вознаграждения за службу. Их число пополнялось всевозможными искателями приключений; ибо в тех диких землях не было ни покоя, ни этнической однородности, разве только в местах, где жили армяне, храня свои традиции. Непрерывно шли военные действия, независимо от того, был ли заключен официальный мир между византийским и арабским правительством. При этом пограничные бароны порой поддерживали дружбу с соперниками по ту сторону границы, которые вели такую же жизнь. Мусульмане, возможно, были несколько более фанатично преданы своей вере, но религиозный пыл был в них не столь силен, чтобы помешать им вступать в связи и даже в браки с иноверцами. По обе стороны границы официальная религия не пользовалась особой популярностью. Многие акриты принадлежали к самостоятельной армянской церкви, и почти все они охотно давали защиту еретикам, а еретики-мусульмане всегда могли найти пристанище у своих единоверцев из предводителей пограничных общин.

Это устройство временно нарушилось из-за упадка халифата и нового агрессивного духа, овладевшего Византией. С середины X века императорские армии отвоевали огромные пограничные территории, особенно в Сирии. Новая граница проходила уже не по диким горам, а по возделанным и густонаселенным районам. Ее оборону можно было организовать под руководством чиновников из Константинополя, поставленных в Антиохии и других возвращенных от врага городах. Бывшие пограничные бароны стали нежелательным элементом. Они возместили себе потери тем, что вложили все накопленные в недавних кампаниях богатства в землю в Анатолии. Но они остались гордыми и непокорными и окружили себя армиями приспешников, в основном набранных из бывших вольных селений, над которыми они приобрели контроль, обычно незаконным образом. Они сформировали основу земельной аристократии, сила которой сотрясла имперское правительство в середине XI века. Между тем центральная администрация пыталась подчинить себе пограничные земли Армении дальше на севере и по всей форме присоединила к империи крупные провинции, отдав их под ненавистную власть византийских сборщиков налогов и церковного начальства. Вызванное этим возмущение привело к ослаблению обороны.

Вскоре этой обороне бросит вызов народ, с которым до той поры Византия сохраняла довольно дружественные контакты. В течение нескольких веков обширные равнины Туркестана становились засушливыми, и тюркские племена двигались на запад искать себе новый дом. Византия в VI веке поддерживала связь с тюрками Центральной Азии и была хорошо знакома с тюркскими племенами, мигрировавшими в русские степи, – цивилизованными хазарами-иудеями, две царевны которых стали женами византийских императоров, и более дикими печенегами и половцами, которые порой совершали набеги на территорию империи, но при этом, как правило, охотно поступали на службу в императорскую армию. Многие из этих наемников обосновались в Византии, особенно в Анатолии, и окрестились. Но самое активное тюркское племя – племя огузов – мигрировало через Персию на земли Арабского халифата. В армиях и халифа, и императора были тюркские полки, и первые стали мусульманами. По мере ослабления власти халифа возрастала мощь его тюркских вассалов. Первый великий тюркомусульманин – Махмуд Газневи – создал на востоке империю, протянувшуюся от Исфахана до Бухары и Лахора. Но после его смерти гегемония перешла к правителям огузского племени из рода Сельджука. Потомки этого полумифического вождя возвысились над тюрками, проживавшими на территории халифата, и переселенцы из Туркестана постепенно начали признавать их первенство. К 1055 году глава рода Тогрул-бек не только основал подвластное лично ему царство, охватившее Иран и Хорасан, отдав надельные земли на северных границах братьям и кузенам, но и был приглашен халифом династии Аббасидов в Багдад, чтобы взять в руки светскую власть над его владениями.

Приглашение халифа объяснялось страхом перед соперником – египетским халифатом Фатимидов, который уже подчинил себе большую часть Сирии. Фатимиды установили хорошие отношения с Византийской империей, и правители-Сельджукиды не хотели провоцировать Византию на какие-либо действия в поддержку фатимидского наступления на северные границы Аббасидов. К тому времени на византийских границах уже поселилось некоторое количество тюркских князьков со своими приверженцами и играло роль пограничных баронов, совершая набеги при всякой удобной возможности. Преемник Тогрула, его племянник Алп-Арслан твердо решил устранить всякую угрозу византийской агрессии. Он разорил и аннексировал старую армянскую столицу Ани и подталкивал своих пограничных баронов еще активнее вести набеги. В ответ византийцы захватили последнее независимое армянское княжество. Но имперские гарнизоны были недостаточно сильны, чтобы положить конец набегам; не могли разобраться с ними и акриты, которых уже не существовало. В 1071 году император Роман Диоген решил, что для обеспечения безопасности границы нужен военный поход. Из-за недавних мер экономии численность императорской армии сократилась, и Роман в основном полагался на наемные войска, частью из Западной Европы, но в гораздо большей мере из тюркполовцев. Когда стало известно о походе, Алп-Арслан находился в Сирии, где вел кампанию против Фатимидов. Он рассудил, что это ход византийско-фатимидского альянса, и поспешил на север, чтобы ему противостоять. Любопытно, что в этой кампании, которая сыграет важнейшую роль в мировой истории, обе стороны считали, что обороняются.

Решающая битва состоялась в пятницу 19 августа 1071 года возле города Манцикерт. Роман был смелым человеком, но плохим тактиком, а на его наемные войска нельзя было положиться. Его армию разгромили и уничтожили, а самого взяли в плен.

Алп-Арслан, удовлетворенный тем, что Византия уже не угрожает его флангу, освободил высокопоставленного пленника на необременительных условиях и вернулся в Сирию, к своим главным заботам. Но его пограничные бароны были другого мнения. Византийская оборона на границах пала, а политические кризисы в Константинополе мешали всем попыткам ее восстановить. Несколько еще оставшихся акритов, в основном армян, оказались без каких-либо средств сообщения со столицей. Вместе со своими приверженцами они окопались в изолированных крепостях. Тюркские князьки усилили свои набеги, а потом, не видя особого сопро-

тивления, поселились в районах, куда сумели проникнуть, и колонизировали их со своими сторонниками и другими племенами тюрков, вскоре прознавших о богатых землях, которые так и просили, чтобы их кто-нибудь занял.

В течение некоторого времени мусульманские пограничные бароны пользовались титулом гази – воина за веру. Гази – это нечто отдаленно напоминающее христианского рыцаря. По-видимому, ему вручались какие-то внешние знаки различия, и он приносил какую-то клятву своему повелителю, в идеале халифу; также он соблюдал футувву, этот мистический моральный кодекс, который сложился в X–XI веках и был принят гильдиями и корпорациями исламского мира. Тюркские гази в основном были воинами и завоевателями. Их не интересовала организация правительства. Вторгаясь и захватывая территории, они правили на них так же, как в своих пограничных владениях, почти не вмешиваясь в дела местного населения, которое, более того, обращалось к ним за защитой от других набегов, а средства на свое правление они добывали в других походах. На пограничных землях, которые за много веков уже привыкли к такому образу жизни, их приход не вызвал большого возмущения. Возможно, их войска и заставили сняться с места часть христиан, которые искали более надежные пристанища. Но местное население уже было смешанным и мобильным, так что наплыв тюрков не внес особых перемен в общее устройство. Однако чем дальше они проникали в Малую Азию, тем больше менялась ситуация. Где-то христиане бежали от них, оставляя места, которые могли занять тюркские племена. Где-то христианские города и деревни старались удержаться, но вскоре оказывались в изоляции и были вынуждены смириться под властью захватчиков. Набеги привели к быстрому обветшанию дорог и мостов, колодцев и оросительных каналов. Прежнее хозяйство не могло сохраниться.

Без организованного сопротивления агрессоры-гази смогли овладеть всем полуостровом, оставив в руках византийцев лишь несколько приморских областей. Только когда император Алексей Комнин реорганизовал империю, воссоздал армию и с помощью дипломатии рассорил всех главарей гази с их соседями, ему удалось вернуть прежние позиции. Между тем династия Сельджукидов, обеспокоенная хаосом в Анатолии, послала представителей одной из своих младших ветвей установить на завоеванных территориях прочное исламское государство. Задача сельджукского правителя Сулеймана и его сына Кылыч-Арслана осложнялась войнами и интригами Алексея и той помощью, которую Византии оказали участники Первого крестового похода. В начале XII века границы между византийскими и тюркскими землями были зафиксированы по условной линии, отделявшей плодородные долины Западной Анатолии и прибрежные районы севера и юга от центральных нагорий. Однако сельджукских правителей не так волновали отношения с Византией, как стремление подчинить себе князей гази, особенно клан Данишмендидов. Кроме того, они внимательно следили за странами на Востоке, где была сосредоточена власть их династии.

Упадок Византии в конце XII века и катастрофа Четвертого крестового похода позволили сельджукскому государству увеличить свою территорию. В первой половине XII века сельджукские султаны Рума, как их обычно называли по владениям, лежавшим в сердце прежних римских и византийских земель, были авторитетными и могущественными фигурами в мусульманском мире. Они одержали верх над правителями гази. По большей части они находились в хороших отношениях с византийскими соседями – императорами Никеи. Они забыли про свои восточные амбиции и довольствовались тем, что правились своим благоустроенным и веротерпимым государством из столицы Коньи. Они оживили городскую жизнь, привели в порядок коммуникации, поощряли искусства и науку. Благодаря их мудрому и эффективному правительству превращение Анатолии из преимущественно христианской в преимущественно мусульманскую прошло так гладко, что никто даже не позаботился увековечить подробности этого процесса.

Благодетельное правление сельджуков окончилось с нашествиями монголов. Сначала в Малую Азию попали некоторые тюркские племена, бежавшие перед монгольскими полчищами. Они поселились на западных границах, где присоединились к гази, роптавшим под властью сельджуков. А в 1243 году появились и сами монголы. Сельджукский султан потерпел сокрушительное поражение, от которого его государство так и не оправилось. С тех пор он и его преемники стали данниками и вассалами монгольского ильхана Персии, а их могущество и авторитет угасли. Менее чем за столетие династия вымерла.

Упадок сельджукского султаната постепенно освободил руки предводителям гази в приграничных областях. К ним присоединялось все больше и больше беженцев от монгольского ярма, городские чиновники сельджуков, жители разоренных или перенаселенных районов, святые люди – шейхи и дервиши, многие из которых считались еретиками в кругах строгих мусульман, но их фанатизм прекрасно вписался в местные настроения на границах. Стесненные обстоятельства и религиозные взгляды одинаково побуждали их к нападению на христиан. Сначала это было нелегко осуществить. Никейские императоры тщательно заботились о своих границах, возродили сословие акритов, но держали их под контролем. Однако возвращение Константинополя в 1261 году при всем своем триумфе имело определенные минусы. С тех пор империя была глубоко вовлечена в европейские дела, и перед ней встали угрозы не только со стороны Балканских стран, но и западноевропейцев, стремившихся отомстить за падение Латинской империи. Войска пришлось снять с азиатских гарнизонов. Меры экономии в военном флоте ослабили береговую оборону. По всей империи возросли налоги, чтобы оплатить ее новые обязательства. Акриты оказались без поддержки и регулярной оплаты. В последние тридцать лет XIII века некоторым гази удалось проникнуть за границу империи. Скученные в тесноте по свою сторону границы, мечтающие о богатой добыче и подстрекаемые религиозными вождями, они и их сторонники хлынули на оставшиеся земли византийской Азии. Эпизодические попытки императорской армии оттеснить их прочь ни к чему не привели. Некоторые из самых предприимчивых, например правители Ментеше и Айдына, атаковали и с моря, и с суши; и византийский флот оказался слишком слаб, чтобы помешать им оккупировать несколько островов, а также западное побережье Анатолии. К 1300 году, помимо одного-двух анклавов, от Византии в Азии остались только равнины между вифинийским Олимпом и Мраморным морем, полуостров, вдающийся в Босфор, внутренние районы до реки Сангариус и черноморское побережье на сто миль на восток.

Поначалу лидером в этих событиях выступал эмират Ментеше на юго-западе Малой Азии. Но его могущество было урезано, когда рыцари-госпитальеры захватили Родос и сделали его своей штаб-квартирой. Гегемония перешла к эмирам Айдына, которые первыми из азиатских тюрок напали на европейские берега Эгейского моря. Чтобы их отбить, потребовались объединенные усилия Венеции, Кипра и госпитальеров. Севернее правили саруханские беи с центром в Манисе, или Магнесии, еще недавно второй столице никейских императоров, а рядом с ними – династия Карасидов, поселившихся на Троянской равнине. На берегах Черного моря в Синопе обосновался эмират Гази Челеби, знаменитого пиратскими подвигами. В глубине было несколько эмиратов поменьше, а еще два крупных – Караман и Гермиян, и тот и другой видел себя наследником сельджуков, и оба были твердо намерены создать организованное государство, обуздав под своей властью элементы гази. Караманские правители, занявшие Конью в 1327 году, находились слишком далеко от границ, чтобы справиться с местными гази. Правители Гермияна, столица которого находилась в Кютахье, сами отказались носить титул гази, но попытались подчинить себе соседних предводителей гази, многие из которых происходили из гермиянских военных вождей. В основном это им удалось. За одним исключением, эмираты, расположенные вдоль побережья Эгейского моря и византийской границы, относились к ним с почтением и уважением, хотя на деле так и не признали их сюзеренитета.

Единственным исключением оставалось маленькое государство, возникшее во второй половине XIII века на пограничных землях восточнее от вифинийского Олимпа. Его основателем был некий Эртогрул. Он умер в 1281 году, и его сменил сын Осман. Истоки рода Османлы, как называли потомков Османа, искажены и приукрашены легендами, придуманными уже после того, как он был возвеличен. Нам сообщают перечень из двадцати одного предка вплоть до самого Ноя, а позднее для пушней убедительности добавили еще тридцать одного. Династия проходит через героя Огуз-хана, прародителя огузских племен, через его сына Гёк-Алпа и внука Чамундура, или Чавулдура, по другим легендам, одного из двадцати четырех внуков Огуза, от которых произошли двадцать четыре главных огузских племени. Но хотя в конце XIII века существовало племя чаудар, поглощенное Османским государством, это все же было отдельное племя, поначалу враждебное к власти Османа. Другая легенда расширила число пращуров, приписав старшему внуку Огуз-хана Кайи сына Гун-хана, который якобы был предком Османа, и таким образом османская линия стала ветвью старшего племени огузов. Но это предание возникает лишь в XV веке, уже после того, как стала общепринятой альтернативная версия происхождения от Гек-Алпа. Придворные льстецы XV века еще больше запутали дело, прибавив династии еще и арабских предков, хотя она никогда не притязала на то, что происходит от самого Пророка, ибо родословные его потомков были слишком хорошо известны. Султан-завоеватель Мехмед II хотел внушить почтение и турецким, и греческим подданным, продвигая теорию о том, что его род происходит от члена императорской династии Комнинов, который переселился в Конью, обратился в ислам и женился на сельджукской княжне¹¹.

Ни одна из этих теорий не имеет убедительных доказательств. Рассудительный историк не может не прийти к выводу, что Эртогрул был не вождем племени, а способным командиром воинов-гази неизвестного происхождения, который каким-то образом дошел до границы, а там благодаря своим талантам собрал вокруг себя достаточное число сторонников, чтобы основать эмират. Его главной ценностью было географическое положение захваченных им территорий. Чтобы сообщество гази могло окупать свое существование, им приходилось совершать набеги и вторгаться во владения неверных. Однако к концу XIII века почти все эмиры гази дошли до пределов Малой Азии. Византийцы отступили, а дальнейшее продвижение преградило море. Хотя предприимчивые морские разбойники, такие как айдынский и синопский эмиры, могли не без выгоды совершать набеги на неприятельские берега, ни один из них не обладал достаточной морской мощью, чтобы даже задуматься о перевозке нужного количества людей для основания заморских колоний. Помимо эмиратов, граничивших с Трапезундской империей далеко на востоке, лишь унаследованная Османом территория пока еще соприкасалась с землями неверных. Именно во владения Османа хлынули теперь самые предприимчивые тюркские элементы, предводители гази в стремлении найти богатые земли для будущих набегов, дервиши и ученые, бежавшие от ненавистных монголов, и плотная масса земледельческих племен по-прежнему в поисках нового дома, чтобы поселиться в нем со всеми своими стадами. Таким образом у Османа оказались человеческие ресурсы, совершенно несопоставимые с его маленьким эмиратом.

Не будь Осман гениальным лидером, новоприбывшие могли бы затопить его страну. Нам мало известно о том, как он с ними разбирался. Весьма примечательно, что старейшая из сохранившихся надписей, где османский правитель называет себя титулом султана, – надпись, сделанная сыном Османа Орханом на мечети в Бурсе, гласит так: «Султан, сын султана гази, гази, сын гази, маркграф горизонтов, герой мира». Именно так – как верховный вождь воинов-гази Осман установил свою власть. Пока другие эмиры-гази, неспособные расширить свои

¹¹ То, что у османской династии были предки из Комнинов и сельджуков, не такой уж фантастический факт, как полагает Кёпрюлю, но если это так, то, вероятно, это произошло позднее – благодаря браку Баязида I с гермянской царевной.

владения единственным знакомым им способом, ссорились друг с другом, Осман предложил жизнь воина-гази всем, кто признает его владычество.

Византийская империя не могла игнорировать этот вызов. Возможно, самым разумным решением для нее было бы в короткий срок вывести свои войска из Анатолии и оставить страну Осману, а внимание сосредоточить на военном флоте и сделать его достаточно сильным для того, чтобы не допустить его переправы через проливы в Европу. Позднее, когда Осман обнаружил бы, что его экспансия уперлась в море, его эмират, возможно, тоже пришел бы в упадок, а сторонники – рассеялись в поисках новых земель. Но трудно представить себе такую дальновидность и самообладание. В Константинополе поначалу не осознавали важности Османа. В последние десятилетия XIII века императорские армии посылали на айдынских и маниских тюрок, хотя и без успеха. Только когда в 1301 году Осман разгромил византийские силы при Бафеуме, между Никеей и Никомедией, и стал селить своих людей севернее горы Олимп, только тогда на него обратили серьезное внимание. Византийцы не могли смиренно позволить мусульманам отнять у них последние владения в Азии – землю, с которой можно было увидеть саму столицу. Но их сопротивление было организовано из рук вон плохо и ничего не дало. В 1305 году Каталонская кампания, которую нанял на службу император Андроник II, разбила Османа возле Левки. Но вскоре каталонцы взбунтовались против императора и на десять лет погрузили империю в гражданскую войну. В эти годы не только тюркские войска, нанятые императором или каталонцами, переправлялись взад-вперед через Дарданеллы, но Осман также сумел усилить свои позиции на территории вплоть до Мраморного моря. Кроме того, он возглавил несколько экспедиций, которые в строгом смысле не касались его владений. В 1308 году именно его войска сыграли главную роль в захвате последнего византийского оплота на побережье Эгейского моря – Эфеса, хотя город в итоге достался эмиру Айдына. В последующие годы Осман овладел византийскими городами на черноморском побережье от Инеболу до Сангариуса.

После ухода каталонцев в Византии начались династические междоусобицы. И вновь Осман почти не встречал сопротивления. Его армии в основном состояли из кавалерии, и осадных орудий у него не было. Для того чтобы захватить укрепленные города, ему приходилось совершать набег на окружающую местность, откуда он выгонял и обращал в рабов крестьян, а вместо них сажал своих людей. Таким образом город оказывался отрезанным от источников снабжения и, если к нему не пробивалась идущая на помощь армия, из-за голода был вынужден сдаться. Затем Осман сосредоточил усилия на городе Бурса, стоявшем на северных склонах Олимпийского хребта, прекрасно защищенном условиями рельефа и удачно расположенном для того, чтобы служить центром для операций на побережье Мраморного моря. Его фортификационные сооружения и богатство окружающего региона под стенами позволили ему сопротивляться Осману в течение десяти лет. Но император был не в состоянии прислать ему помощь. Осенью 1326 года голодом его принудили к капитуляции. Когда эта весть добралась до Османа, он уже лежал при смерти и умер несколько дней спустя, в ноябре того же года. Однако благодаря блестящему использованию возможностей он превратил мелкий пограничный эмират в главный таран тюрок и плацдарм гази для вторжения на христианские земли.

Осману повезло с детьми. Его трон унаследовал старший сын Орхан. Говорили, что, как того требовал турецкий обычай, он предложил поделиться верховной властью с братом Алаэдином, но Алаэддин великодушно настоял на том, чтобы не дробить эмират, и остался верным подданным. Орхан унаследовал от отца и талантливого министра, также по имени Алаэддин. Нелегко разобраться, правителю или министру Османское государство было обязано своим удивительным развитием. Как и его отец, Орхан был вождем воинов-гази, который поклялся воевать с неверными. В 1329 году на его милость сдался древний город Никея, как и Бурса, много лет находившийся в изоляции. Император Андроник III и его министр Иоанн Кантакузин предприняли попытку освободить Никею. Но после ничего не решившей битвы недоволь-

ство в собственных войсках и дурные вести из Европы заставили их отступить. Следующей целью Орхан поставил себе великий портовый город Никомедию. Она сопротивлялась ему девять лет, получая снабжение и подкрепления по морю. Но когда султану удалось заблокировать узкий залив, на котором располагался город, тот был вынужден капитулировать в 1337 году. Как только Никомедия оказалась в руках султана – так Осман стал себя называть, – он смог оккупировать всю страну почти до самого Босфора.

В тот период Византии не давала покоя великая Сербская империя Стефана Душана, а в 1341 году разразилась гражданская война между Иоанном Кантакузином и регентами, правившими от имени малолетнего императора Иоанна V. Какое-то время византийские полководцы нанимали к себе на службу тюрок из разных племен, несмотря на их неисправимую привычку разорять земли, через которые они проходили. Самыми опытными и дисциплинированными были подданные Орхана. Так что, пока сторонники Иоанна V нанимали солдат в Манисе и Айдыне, Иоанн Кантакузин в 1344 году заручился поддержкой Орхана, отдав ему в жены свою дочь Феодору. В ответ султан прислал шесть тысяч человек, чтобы воевать во Фракии. После победы Кантакузин продолжал звать на помощь османские войска во время своих войн с сербами. После окончания этих кампаний многие из османов, по всей видимости, поселились во Фракии.

Падение Иоанна Кантакузина в 1355 году дало Орхану желанный предлог вторгнуться в Европу в собственных интересах. В 1356 году армия под предводительством его сына Сулеймана переправилась через Дарданеллы. За год его войска захватили Чорлу и Дидимотихон и двинулись вглубь, чтобы захватить Адрианополь. Как и во время завоеваний в Азии, султан способствовал тому, чтобы тюркские племена следовали за вождями гази и сразу же занимали оккупированную страну. К моменту смерти Орхана, вероятно в 1362 году, турки уже были хозяевами Западной Фракии. Вдобавок султан расширил свои азиатские владения, не столько войнами, сколько благодаря желанию других тюрок влиться в успешное государство гази. По-видимому, он поглотил северо-западные эмираты Сарухан и Карасы. Гермиан потерял былое могущество, и Орхан смог установить свою власть в Эскишехире и Анкаре. Его главным противником в Азии был Айдынский эмират, который не давал ему продвигаться на юго-запад¹².

Но не только обширные завоевания сделали Орхана великим правителем. При помощи визиря он поставил свое государство на прочную основу, не лишив его при этом тех характерных черт гази, которые давали ему импульс к расширению. Орхан поощрял развитие городов, опираясь на ахи – цеховые братства ремесленников и торговцев, соблюдавших футувву. Он противодействовал умеренно подрывному влиянию дервишей, налаживая сотрудничество с улемами – официальными хранителями мусульманского вероучения и исламских традиций. Их проповеди обеспечивали правильное отношение к возраставшему числу христианских подданных Орхана. Если город или область сопротивлялись ему и были взяты силой оружия, христиане в них лишались любых прав. Пятую часть населения могли обратить в рабство, мужчин послать работать на земли завоевателей, а мальчиков – отдать в обучение, чтобы сделать из них солдат. Если же город капитулировал, то его жителям позволяли сохранить свои церкви и обычаи. Многие христиане предпочитали власть султана императорской, поскольку его налоги и подати были не такими грабительскими. Хотя некоторые из них принимали ислам из естественного желания примкнуть к правящему классу, насильного обращения не было. Поэтому в каждом городе, куда приходили мусульмане, улемы строили медресе, то есть школы при мечетях, и таким образом смогли дать султану образованную элиту, из которой он мог набирать государственных служащих.

¹² Дата смерти Орхана точно не известна. Узунчаршылы приводит 1360 г., Виттек – 1362 г., ссылаясь на данные из Βραχέα Χρονικά.

В то же время произошла реорганизация армии. До той поры ее почти целиком составляла легкая конница, набранная из фактически еще кочевых племен. Теперь же ее переустроили, разделив на две основные части. Во-первых, регулярное ополчение, состоявшее из тех, кто получил от султана земельные участки и платил за них небольшую денежную ренту, а также был обязан поступить на военную службу, когда это потребуется. Такой надел, передававшийся по наследству, назывался тимар. За более крупные или ценные лены, которые назывались зеамет, платить следовало больше, их держатель – заим – занимал более высокое положение в армии, и на нем лежало повышенное обязательство – обеспечивать собственную экипировку. Самые богатые из этих заимов становились пашами или санджакбеями или даже бейлербеями с административными обязанностями и большими военными полномочиями и обязательствами. Помимо этого местного ополчения, существовала армия, состоявшая на жалованье. Янычары, которые служили на протяжении всей жизни и позднее сформировали султанскую гвардию, в то время еще были пехотным полком, в который входили рабы-христиане или новообращенные. Главные силы в правление Орхана называли неточным термином сипахи. Из их числа выходили пушкарники, оружейники, кузнецы и солдаты морской пехоты. Многие из них получали земельные наделы и в любой момент могли быть призваны на военную службу, но за нее им платили жалованье и, как правило, нанимали только на время отдельной кампании. Помимо сипахов, была еще пияде – пехота. Впоследствии этим словом стали обозначать тех, кто владел земельными участками, а прочих называли азапами, которые затем стали ассоциироваться с башибузуками – нерегулярными войсками, служившими за добычу и возможность пограбить, а также акибами, войска кавалерийского авангарда. Орхан настоял на том, чтобы у каждого рода войск была своя форма. Также он ввел эффективные меры мобилизации, чтобы иметь возможность в любой момент в кратчайшие сроки собрать крупное и хорошо подготовленное войско.

Его преемник Мурад I полностью использовал все преимущества, которые давала ему эта прекрасно отлаженная военная машина. Матерью Мурада была гречанка, турки называли ее Нилюфер, «Водяная лилия», дочь главы акритского клана. Его старший брат Сулейман умер несколькими месяцами раньше Орхана. У Мурада оставался еще один старший неполнородный брат Ибрагим, которого он своевременно приказал умертвить, и младший брат Халил, сын Феодоры Кантакузины, который вскоре тоже скончался, но, вероятнее всего, от естественных причин. В первые годы правления Мурад был занят своими азиатскими границами, где баламутили воду эмиры-соперники, и с ними пришлось разобраться. Византийцы отвоевали несколько городов, захваченных во Фракии, хотя из окружающих районов выгнать турок им не удалось. Когда Мурад вернулся в Европу в 1365 году, он без труда возвратил себе эти города и сделал своей европейской столицей Адрианополь. Таким образом, Константинополь с предместьями оказался в изоляции, кроме как со стороны моря. С азиатской стороны подступы к нему уже находились в руках турок.

Только тогда Европа начала понимать, какую угрозу представляют турки. Венеция и Генуя, обеспокоенные за свои колонии и торговлю, стали прощупывать почву на предмет заключения общей коалиции против иноверцев, но из их стараний ничего не вышло. Император Иоанн V поехал в Италию, чтобы поведать об опасностях и попытаться найти западных наемников, которым можно было бы не платить. По возвращении в 1373 году он был вынужден признать султана своим верховным владыкой, пообещать ему ежегодную дань и военную помощь по первому требованию, а его сын Мануил отправился к Мураду заложником. Иоанн был верным вассалом. Его преданность была вознаграждена, когда в 1374 году его старший сын Андроник вступил в заговор с сыном Мурада Савджи против обоих отцов. Войска Мурада подавили мятеж. Когда Андроник снова восстал и с 1376 по 1379 год удерживал Константинополь, Мануил получил от султана помощь, достаточную для того, чтобы восстановить отца на троне. Но ему пришлось заплатить за это обещанием вместе с турецкой армией отправиться

на завоевание последнего оплота византийцев в Азии, изолированного осколка Трапезундской империи, верной и отважной греческой Филадельфии.

Несмотря на всю обеспокоенность Запада, который безрезультатно строил планы крестовых походов, единственной силой, которая постоянно вела войну с турками, был орден госпитальеров на Родосе. Однако его главным врагом был эмир Айдына, а чем слабее становился он, тем более росло могущество его соперника – султана османов. Таким образом Мурад получил возможность осуществить наступление на Балканы. Целые орды турок со всей Анатолии хлынули во Фракию вместе со своими семьями, а часто и со стадами. Дух экспансионизма не унимался. Сербия по-прежнему оставалась главной державой на полуострове, хотя после смерти Душана в 1355 году страна разделилась надвое. Болгария так и не оправилась после разгрома, нанесенного ей сербами при Вельбужде в 1330 году, но их политика по унижению болгар привела лишь к тому, что они лишились буферного государства, которое могло бы оказаться полезным. Болгары не особо энергично сопротивлялись наступлению турок и только отправили свой контингент в армию, которую Вукашин, король Южной Сербии, послал во Фракию в 1371 году. Вукашин рассчитывал сдержать продвижение турок, но он был плохим полководцем. При Черномене на реке Марице он позволил застать себя врасплох и разгромить врагу, который значительно уступал ему в численности. Победа на Марице отдала в руки Мурада большую часть Болгарии, а также сербскую Македонию. Болгарский царь Иван Шишман вынужден был признать владычество Мурада и послать свою дочь Тамару в султанский гарем. Лазарь Хребелянович, правитель Северной Сербии, который тогда стал главой всего Сербского царства, оказался в ситуации, когда ему тоже пришлось смириться с положением вассала.

В последние годы своего правления Мурад занимался тем, что упрочивал свои завоевания. Он организовал переселение турок в Европу. Его власть в новых европейских провинциях не могла быть такой же прочной, как в Анатолии или даже Фракии, но вскоре турецкие военные наделы усеяли местность между греческими, славянскими и валашскими деревнями, и в сельской местности господствовали турецкие беи и паши. К 1386 году империя Мурада раскинулась на запад до самого Монастира на границе с Албанией и на север до самого Ниша. На следующий год ему сдались Фессалоники, четыре года находившиеся в блокаде. В основе их процветания лежала торговля, шедшая из внутренних районов, и они не могли существовать в изоляции. Мурад проявил к городу мягкость, посадил в нем турецкого губернатора, но не стал вмешиваться во внутренние дела.

В 1381 году султан, который к тому времени подчинил себе Гермианский эмират, считал необходимым выступить против караманского эмира и приказал своим балканским вассалам предоставить контингенты для этого похода. Это требование покорило гордых сербов таким позором, что князь Лазарь отказался отныне признавать владычество турок. Турки предприняли быстрое наступление, отняли у него город Ниш и этим принудили его к подчинению. Между тем он, однако, собирал всебалканский альянс против захватчиков, и в 1387 году сербы одержали свою первую и единственную победу над силами султана на берегах реки Топлицы. Мурад не стал медлить с возмездием. Быстрым маршем двинувшись на Болгарию, где он захватил большую часть территорий у двух местных правителей – тырновского Ивана Шишмана и видинского Ивана Срацимира, он вошел в Южную Сербию, где его принял вассальный владетель Кюстендила Константин и предоставил полк в его армию. Затем султан повернул на север, чтобы сразиться с Лазарем на Косовом поле, на поле черных дроздов¹³.

Ранним утром 15 июня 1389 года пока султан одевался, к нему в шатер привели серба-дезертира, который обещал рассказать ему о позициях христиан. Он приблизился к султану и вдруг кинулся вперед и заколол его ножом в сердце. С убийцей расправились на месте, и его

¹³ На сербском языке слово «кос» означает «черный дрозд». (Примеч. пер.)

самопожертвование оказалось бессмысленным. С армией находилось двое сыновей султана. Старший, Баязид, немедленно принял командование на себя, приказав молчать о смерти отца до окончания битвы. Турки сражались с превосходной дисциплиной, в отличие от христиан, которые после того, как не сумели развить свою первую мощную волну наступления, стусеивались, и по их рядам побежала молва об измене. К ночи турки одержали полную победу. Лазаря взяли в плен и убили в той же палатке, где умер Мурад. Баязид провозгласил себя султаном и тут же приказал задушить брата. Он не собирался делиться с ним верховной властью¹⁴.

За тридцать лет своего правления Мурад I, блестяще поставив себе на службу армию и организацию, оставленные ему отцом, преобразил эмират гази в сильнейшую военную державу Юго-Восточной Европы. Его собственный характер воплощал изменившийся характер его государства. В противоположность отцу и деду, он любил пышность и церемонии и видел себя императором. Он был суров, даже жесток, несколько циничен, унаследовав это качество, быть может, от греческих предков. Но он умел быть и великодушным и всегда был справедлив и яро привержен дисциплине.

Его наследник Баязид, по-видимому, тоже был сыном гречанки, но, в отличие от Нилюфер, скорее всего, она была рабыней, и звали ее Гюльчичек, Роза. Баязид разделял склонность своего отца к помпе, но больше потворствовал своим прихотям, отличался большей вспыльчивостью, меньшим великодушием и не так успешно насаждал дисциплину. За быстроту действий его прозвали Йилдерым, Молниеносный, однако он не был великим полководцем. Его правление началось блестяще. Победа на Косовом поле полностью отдала в его руки Балканы. Казалось, что через несколько лет он поглотит весь полуостров, включая греческие и албанские территории, куда турки еще не добрались. Сын Лазаря Стефан унаследовал сербский престол, но со скромным титулом деспота и вассала султана, которому он отдал в жены свою сестру Марию. Болгарское Тырновское царство погибло в 1393 году. Турецкая армия вторглась на Пелопоннес в 1394 году и подчинила себе местных князей. В 1396 году Баязид намеревался захватить сам Константинополь, но, когда он уже двинулся к стенам города, ему стало известно о крестовом походе, организованном венгерским королем Сигизмундом и рыцарями со всего Запада. Султан развернулся и поспешил на север, оправдывая свое прозвище Молниеносный, и атаковал армию христиан при Никополе. Глупость западноевропейцев позволила ему одержать разгромную победу, которая открыла перед ним возможность присоединить Видинское болгарское царство и сделать вассалом господаря задунайской Валахии. Установив свою власть вдоль границы по Дунаю, султан вернулся к Константинополю, но пока не осмелился вновь его атаковать, видимо из-за слухов, что итальянские морские державы снаряжают армаду. Вместо этого он тщетно пытался настроить Иоанна VII, соправителя и племянника Мануила II, против его дяди, с которым Иоанн делил престол в полном согласии, в отличие от обычной для византийцев практики. Единственной помощью с Запада, которую действительно получила Византия, была горстка солдат маршала Бусико. Они год пробыли в Константинополе, но ничего не совершили. После их отъезда Баязид, видя, как немощны попытки Запада оказать помощь, приготовился сделать еще одну попытку овладеть имперской столицей. Незадолго до того он закончил строительство замка на азиатском берегу пролива Босфор, ныне известного как Анадолухисар, Анатолийская крепость. Весной 1402 года он отправил императору надменное письмо, в котором приказал сдать столицу. Мануил II пока еще не вернулся из поездки по Западной Европе, но Иоанн VII ответил посланцам султана с благочестивой отвагой: «Передайте своему господину, что мы слабы, но верим в Господа, который может придать нам сил, а сильнейших низвергнуть с их престолов. Пусть ваш господин поступает, как ему угодно».

Иоанн тем больше верил в божественную помощь, что пришли новые вести с Востока. Тимур Татарин, названный английскими драматургами Тамерланом, на самом деле происхо-

¹⁴ Фактическая дата битвы при Косово вызывает споры, но дата 15 июня представляется мне достоверной.

дил из тюрок, но по женской линии был потомком великого монгольского рода Чингисхана. Он родился в Кеше, в Туркестане, в 1336 году. К концу XIV века он создал империю, протянувшуюся от границ Китая и Бенгальского залива до Средиземного моря. Блестящими военными свершениями он походил на самого Чингисхана, его же он напоминал и варварской жестокостью. Однако ему не хватало свойственного монгольским ханам дара организовывать завоеванные земли. Его смерть запустит процесс распада его царства, но при жизни он был свирепым и грозным врагом. Хотя Тимур был ревностным мусульманином, в нем не было ничего от гази. Он сражался не за веру, а за свое величие, и главными жертвами, погибшими от его руки, становились мусульмане. Ему давно не давало покоя существование Османского султана, отчасти из ревнивого чувства, что, кроме него, есть другой тюркский властелин, а отчасти из-за опасений, что тот может ослабить его позиции в западных провинциях. Уже в 1386 году он вторгся в Восточную Анатолию и разгромил посланные анатолийскими эмирами войска при Эрзинджане. Затем отступил, но пригрозил вернуться. Восемь лет спустя Баязид, который женился на гермянской княжне и получил в качестве приданого большую часть ее родовых владений, сам направился в Эрзинджан изучить возможности обороны полуострова. Но в 1395 году Тимур объявился снова и с боями прошел к Сивасу, не щадя местное население и самого сына Баязида, наместника провинции. К счастью для султана, татарская армия двинулась на восток и разграбила Алеппо, Дамаск и Багдад. Но беды османского султана не этом не закончились; Тимур поддерживал более тесные связи с его врагами, чем он думал. Когда силы османов стеклись под стены Константинополя, к Баязиду в лагерь явились послы от Тимура с суровым приказом вернуть христианскому императору все украденные у него земли. Баязид ответил грубым оскорблением. После этого он снял осаду с Константинополя и направил армию в Анатолию. Тимур дошел уже до Сиваса. Решающая битва состоялась при Анкаре 25 июля 1402 года. Из-за своего высокомерия Баязид поставил себя в тактически невыгодное положение, притом что его солдатам не хватало дисциплины и они роптали из-за его скупости. Когда огромное полчище Тимура, усиленное индийскими слонами из Индии, бросилось в яростную атаку, османские войска пришли в замешательство и бежали, оставив Баязида и его второго сына Мусу пленниками в руках Тимура. Единственные, кто не дрогнул, это сербы из полка под предводительством деспота Стефана. Ему удалось спасти старшего сына султана, Сулеймана, и одного из его братьев. Четвертый брат, Мустафа, пропал без вести в бою. Уцелевшие бежали под защиту Анадолухисара, а Тимур победоносно прошествовал по всей Западной Анатолии, разоряя города, в том числе и старую столицу османов Бурсу, где в его руки попали женщины из султанского гарема. Пленного султана он возил с собою в носилках, которые позднее легенда превратила в золотую клетку. На самом деле с Баязидом поступали мягко, а когда он умер, вероятно в результате самоубийства, в марте 1403 года, его сына Мусу отпустили на волю и позволили доставить тело в семейный мавзолей в Бурсе. Сам Тимур ушел из Анатолии в том же году и вернулся к себе в главную столицу – Самарканд, где, строя планы завоевания Китая, и умер в 1405 году в возрасте семидесяти двух лет.

В этот самый момент, при условии, что силы Европы смогли и захотели бы без промедления сплотиться в широкой коалиции, они, возможно, навсегда освободили бы христианский мир от османской угрозы. Но даже если бы династия и погибла, турецкая проблема не была бы решена. Историки, обвиняющие христиан в том, что они упустили столь фантастически благоприятный шанс, забывают о том, что уже сотни тысяч турок прочно обосновались в Европе. Покорить их было чрезвычайно трудно, а изгнать – почти невозможно. Больше того, вмешательство Тимура лишь усилило их, ведь семьи и даже целые племена бежали от его армий в безопасные места в европейских провинциях, а генуэзцы извлекли немалую выгоду, предоставляя им услуги по переправе. По мнению историка Дуки, около 1410 года турок в Европе было больше, чем в Анатолии. Кроме того, Баязид оставил там крупные вооруженные силы

для охраны границ и порядка в провинциях. Османская династия была унижена в Анкаре, а их военная машина – ослаблена. Но не уничтожена.

Мануил II сумел наилучшим образом применить старинное византийское оружие – дипломатию. Сыновья Баязида начали биться за трон. Сулейман, старший, объявил себя султаном, но положение его было шатким. Стремясь заручиться помощью Мануила, он уступил ему Фессалоники и несколько городов на фракийском побережье, а также пообещал несколько городов в Азии, которые на самом деле не контролировал. Младшего брата, Касима, он отправил заложником в Константинополь, а взамен получил в невесты племянницу императора, незаконную дочь морейского деспота Феодора I. Он разбил и умертвил своего брата Ису в 1405 году. Но Сулейман был неврастеник, запойный пьяница, надолго погружавшийся в полную апатию. Солдаты потеряли к нему уважение и подчинились его брату Мусе, который взял на себя роль заступника ислама от провизантийской политики Сулеймана. В 1409 году военные оставили Сулеймана и убили его во время попытки бегства в Константинополь. Султаном стал Муса. Он жестоко расправился с Сербией за то, что та поддержала его брата. Он вновь захватил и разорил Фессалоники; их защищал для христиан сын Сулеймана Орхан, которого взяли в плен и ослепили. Потерпев поражение на море, новый султан тем не менее привел свои сухопутные силы к самым стенам Константинополя. Но тогда его младший брат, Мехмед, который занимался восстановлением власти османов в Анатолии, выступил против него и при помощи византийцев, сербов и турецких полков, возненавидевших Мусу за жестокость, разгромил и убил своего брата в 1413 году и сам стал султаном.

Мехмед, прозванный современниками Челеби – точнее всего это слово переводится как «господин», – показал себя прекрасным военачальником, но по темпераменту был человеком мирным. Фессалоники и другие отнятые Мусой города он вернул Мануилу, с которым всю жизнь поддерживал сердечную дружбу. Он против желания был втянут в ничего не решившую войну с Венецией в 1416 году и с Венгрией в 1419 году; ему пришлось подавить мятеж под предводительством человека, заявившего, будто он его брат Мустафа, и пережить битву при Анкаре. Большую часть времени он тратил на строительство крепостей вдоль границ, усиление администрации и украшение городов своей империи. Чудесная Зеленая мечеть в Бурсе – долговечный памятник этому незлобивому и просвещенному властелину. Он скончался от апоплексического удара в Адрианополе в декабре 1421 года.

Старший сын Мехмеда Мурад был наибом своего отца в Анатолии. Новость о смерти султана хранили в тайне, пока Мурад не прибыл в Адрианополь и не взял бразды правления в свои руки. Подобно Мехмеду, Мурад отличался мирным нравом. Говорят, что он вступил в орден дервишей и мечтал отойти от дел и вести созерцательную жизнь¹⁵. Но он был добросовестным правителем, и обстоятельства требовали от него быть военачальником и администратором. Самозванец Мустафа все еще был на свободе, и Мурад подозревал, что тот получает помощь от Константинополя. Он обратился к Мануилу с жалобой на это и просьбой продолжить дружбу, существовавшую между императором и его отцом. Мануил охотно согласился бы, но он уже состарился, устал и поддался влиянию сына, Иоанна VIII, который при поддержке византийского сената рассчитывал, что может к своей выгоде разворошить османскую династию, как осиное гнездо. Поэтому Иоанн потребовал прислать заложниками в Константинополь двух братьев султана. Мурад, что вполне естественно, отказался и, расправившись с Мустафой, приступил к осаде Константинополя в июне 1422 года. Но городские стены были слишком крепки для армии без осадных орудий, и расчеты Иоанна в какой-то степени оправдались. В Анатолии разразился мятеж, главой которого номинально считался тринадцатилетний

¹⁵ Бертрандон де ла Брокьер, *Voyage d'Outremer*, пишет: «Мне рассказывали, что он не любит войны, и, на мой взгляд, это правда»; Лаоник Халкокондил, *De Rebus Turcicis*, говорит, что в переломный момент во время битвы при Варне Мурад дал обет вступить в религиозный орден. Это утверждение ничем не подкреплено, однако отношения Мурада с янычарами позволяют предположить, что он склонялся к ордену бекташи.

брат Мурада Мустафа, но его истинными зачинщиками были обуреваемые завистью эмиры Гермияна и Карамана. Мурад снял осаду, чтобы разобраться с мятежниками, а потом удовольствовался тем, что послал войска разграбить Пелопоннес.

Желанного мира ему досталось немного. В 1428 году пришлось отбивать вторжение из-за Дуная под началом королей Венгрии и Польши. В 1430 году его воска вошли в эфирскую Янину. В том же году он отвоевал Фессалоники у венецианцев, владевших ими семь лет. Сербия, где в 1427 году Георгий Бранкович сменил своего дядю Стефана Лазаровича в качестве деспота, была принуждена к еще большему подчинению, и сербскому деспоту пришлось выйти из альянса с венграми, которым он уступил Белград. Ему также приказали отдать дочь Мару в жены султану, а так как он с этим не спешил, турки пошли заставить его силой. Мурад не доверял деспоту. В 1440 году он повел на него новую армию и сровнял с землей крепость Смедерово на Дунае, которую сам же разрешил сербам построить. На этом он не остановился и осадил Белград, но город слишком упорно оборонялся, и султану пришлось ретироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.